

RU

Аллохронизм как черта дневникового письма
пересекающего границу:
«Московский дневник» Вальтера Беньямина
и личный дневник Сергея Прокофьева

Савушкин И. С.

Аннотация. Статья посвящена двум дневниковым текстам 1927 года: «Московскому дневнику» Вальтера Беньямина и личному дневнику Сергея Прокофьева. Основная цель настоящего исследования – выявить наличие и механизмы функционирования аллохронических практик в дневниковом письме. В статье анализируется то, как соотносятся друг с другом образы Москвы, сконструированные авторами накануне приезда в город, и фиксируемая в дневниках реальность. Оба автора посещают Москву в одно и то же время: зимой 1927 года. Научная новизна данной статьи заключается в междисциплинарной интенции использования исследовательского аппарата антропологии и историсофии в исследованиях культуры, благодаря чему удастся выявить и продемонстрировать неклассический формат аллохронической оптики, отличающейся от описанной ранее Йоханнесом Фабианом. В результате исследования было указано на то, что неравенство во времени можно использовать не только как инструмент «политики времени», выраженный в а priori исследовательской позиции антрополога, но и как появляющуюся оптику диариста, направленную на обретение исторической субъектности. В заключении статьи демонстрируется то, как Вальтер Беньямин стремился увидеть «город будущего», однако столкнулся с городом «прошедшего прошлого». Сергей Прокофьев, напротив, ожидая увидеть регресс, фиксирует в дневнике современный европейский город.

EN

Allocronism as a feature of diary writing crossing the border:
Walter Benjamin's "Moscow Diary" and Sergei Prokofiev's personal diary

I. S. Savushkin

Abstract. The article is devoted to two diary texts from 1927: the "Moscow Diary" by Walter Benjamin and the personal diary of Sergei Prokofiev. The main purpose of this study is to identify the presence and mechanisms of functioning of allochronic practices in diary writing. The article analyzes how the images of Moscow, constructed by the authors on the eve of their arrival in the city, and the reality recorded in the diaries relate to each other. Both authors visit Moscow at the same time: in the winter of 1927. The scientific novelty of this article lies in the interdisciplinary intention of using the research apparatus of anthropology and historiography in cultural research, which makes it possible to identify and demonstrate a non-classical format of allochronic optics, which differs from the one described earlier by Johannes Fabian. As a result of the study, it was pointed out that time inequality can be used not only as an instrument of the "politics of time", expressed in the a priori research position of an anthropologist, but also as an emerging optics of a diarist aimed at acquiring historical subjectivity. The conclusion of the article demonstrates how Walter Benjamin aspired to see the "city of the future," but encountered the city of the "past past." Sergei Prokofiev, on the contrary, expecting to see a regression, records a modern European city in his diary.

Введение

Географическое пространство давно является предметом изучения наук о культуре. Можно вспомнить такое исследовательское направление, как Border studies, работающее на стыке социологии и культурологии, поднимающее проблемы функционирования государственных, социальных и культурных границ (Introduction to Border Studies, 2015). Отдельно в этой исследовательской парадигме существует проблематика пересечения

географических пространств как процесс конструирования конституирующего иного. Этот процесс чаще всего рассматривается в рамках цивилизационного и культурологического подхода. Можно вспомнить классическую работу Эдварда Саида (2006) и не менее знаменитую работу Ларри Вульфа (2003), который в качестве источников использует записки путешествующих в Россию европейцев. Интересно отметить, что и в работе Вульфа, и в работах других исследователей (Заиченко, 2010) проблематика пересечения границ между географическими пространствами исследуется на материале записок и эго-документов путешественников, которые позволяют анализировать и наблюдать динамику «погружения» субъекта в новое, конституирующее его самого пространство. Одной из главных понятийных рамок данного направления гуманитарных исследований является бинарная оппозиция «Цивилизация» vs «Варварство». На первый взгляд, эта оппозиция интуитивно понятна, однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что помимо очевидного смыслового уровня эмоциональной качественной оценки той или иной культуры данная бинарная пара может включать в себя и темпоральный или исторический смысловой уровень. Варварство может пониматься как нечто более древнее в рамках модернистской детерминированной темпоральности, в то время как понятие «цивилизация» может быть интерпретировано как актуальная автору современность.

Так, французский путешественник Сегюр, пересекая границу с Польшей, описывает ее, используя понятия и термины, свойственные скорее средневековой цивилизации, нежели цивилизации конца XVIII века. Вульф характеризует эту особенность письма французского путешественника так: «То было некое промежуточное пространство, лишенное точных временных или исторических координат» (Вульф, 2003, с. 28). В известном смысле можно говорить о таком путешествии как о перемещении во времени. В этой связи, представляется продуктивным использовать понятия аллохронизм и равенство во времени (coevalness).

Задачами настоящего исследования являются:

1. Определение научного базиса исследования.
2. Определение вариантов и инвариантной части в источниках, позволяющее говорить о наличии дневникового письма.
3. Анализ двух дневниковых текстов: «Московский дневник» Вальтера Беньямина и дневник Сергея Прокофьева за 1927 год.
4. Выделение аллохронической составляющей дневникового письма, указание на продуктивные варианты функционирования данного понятия в текстах культуры.

Материалами исследования послужили два дневника, которые писались приехавшими из западной Европы в Москву интеллектуалами: Сергеем Прокофьевым и Вальтером Беньямином.

Сопоставление данных дневников на первый взгляд невозможно. «Московский дневник» в отечественной гуманитарной науке принято рассматривать скорее как философский трактат, или текст, который гораздо шире бытового эго-документа (Фокин, 2018). В то же время текст Прокофьева является классическим образцом жанра личного дневника.

Несмотря на это, в настоящей работе предлагается исследовать текст Беньямина именно как личный дневник. Иначе говоря, следует обратиться к Московскому дневнику как к сложному ряду субъективаций автора, который создается путем последовательных высказываний, группирующихся во временной ряд. Похожим образом характеризует жанр «Личный дневник» Олег Егоров, один из главных русскоязычных теоретиков личного дневника (Егоров, 2011).

Важно подчеркнуть тот факт, что информация, написанная в дневнике, является актуальной в момент написания, так как «создается во времени». Это снимает для настоящей работы проблему хронологической непоследовательности Беньямина. Несколько раз в тексте автор проговаривается, что записывает события «прошедшего дня» спустя неделю или даже позже. В последней записи философ признается, что делает ее уже в Берлине. Эта дополнительная несовременность акта и его фиксации позволяет говорить о дневнике не как о сложном и выверенном философском эссе, но как о тексте культуры, который несет в себе ее непосредственный отпечаток.

Продолжая говорить про вариативную часть исследуемых дневников, можно отметить и различные условия жизни авторов в Москве, которые также влияют на восприятие города. Вальтер Беньямин приезжает в Москву в попытке найти работу и из-за желания быть ближе к коммунистке Асе Лацис, в которую был влюблен. Сергея Прокофьева приглашают в Москву, чтобы давать концерты, он не находится в мучительном поиске работы, в состоянии неопределенности своего положения. Вальтер Беньямин селится в плохой гостинице (по заверению самого автора дневника), в то время как Прокофьева селят в престижную гостиницу Метрополь. Автор «Московского дневника» никого не знает в Москве кроме Аси Лацис и театрального критика Бернхарда Райха, с которыми он и проводит практически все свое время. Знаменитого композитора же встречают на вокзале с овациями и у него множество еще дореволюционных знакомых в городе.

Наконец, авторы по-разному владеют языком, что также накладывает отпечаток на восприятие города. Беньямин не знает русского языка и становится «заложником» различных переводчиков. Иногда он оказывается в ситуации, когда все участники беседы говорят по-русски, забывая переводить содержание беседы немецкому гостю. В такие моменты Беньямин испытывает невероятную скуку и дискомфорт, что откладывает свой отпечаток на образ города. Прокофьев же, очевидно, в совершенстве владеет русским языком, как устным, так и литературным.

Однако, несмотря на такое количество различий, можно выделить и инвариантную часть этих двух текстов. Во-первых, у дневников единый хронотоп: оба автора находятся в Москве зимой 1926-1927 гг. (Прокофьев приедет чуть позже Беньямина). Во-вторых, они приезжают в Москву из Европы с определенными ожиданиями

от города. Беньямин хочет посетить город победившей революции, Прокофьев же боится увидеть руины и тотальную разруху. Эти сформированные в Европе образы не оправдают себя как в первом, так и во втором случае. И, наконец, как уже отмечалось выше, Москва для Прокофьева и для Беньямина представляет собой образ «другого». Для настоящей работы важно, что данный образ, как и ожидания авторов от города, можно анализировать в темпоральном ракурсе или с точки зрения аллохронического способа конструирования исторической субъектности.

Методологической основой данного исследования в первую очередь следует назвать теорию аллохронизма или равенства во времени (coevalness), которая вводится Йоханнесом Фабианом в его ключевом труде «Время и другой» (Fabian, 1983). В рамках этого текста исследователь, критикуя антропологию как научную дисциплину, указывает на прием, к которому прибегает антрополог, направленный на искусственное выведение объекта своего исследования из «современности». По мнению ученого, антрополог, изучая африканские племена, выстраивает свою исследовательскую оптику так, что она позволяет работать с «живым» прошлым, возводя собственную культуру в ранг более современной, а изучаемую культуру в ранг более древней. Интересно, что данная операция не анахронизм или ошибка, но специальный исследовательский инструмент, который имеет даже политическую природу. По мнению Фабиана, эта политическая природа уходит своими корнями в империализм и культурную матрицу «Запад vs остальной мир».

Для настоящей работы важен следующий тезис антрополога: «Возможность отказать в равенстве другому человеку или другому народу говорит о том, что равенство во времени не является ни транскультурным фактом, ни трансцендентальным условием познания» (Fabian, 1983, p. 35). Важным также является и пример Фабиана, указывающий на функционирование неравенства во времени не только в антропологическом дискурсе, но и по отношению к самому антропологическому дискурсу. Исследователь пишет, что в массовом сознании само понятие «антрополог» вызывает некорректную ассоциацию с чем-то древним и принципиально несовременным (Fabian, 1983, p. 32). Таким образом, можно увидеть, что неравенство во времени может пониматься не только как умышленный исследовательский прием, но и как имплицитная оптика. Принципиальная продуктивность в использовании понятий «аллохронизм» и «равенство во времени», а не «конституирующий другой» заключается в том, что последнее понятие имеет герменевтическое измерение. Изучение или описание «другого» приводит, в конечном счете, к конституированию той культуры, с позиции которой ведется описание. Равенство во времени приводит к этому результату лишь отчасти. Как пишут Фабиан и Бевернаж, отказ от равенства во времени делается для определения временной дистанции, которая и позволяет, по мнению антрополога, исследовать то или иное общество (Бевернаж, 2016).

Применительно к объектам настоящего исследования данная методология будет продуктивной несмотря на то, что исследуемые тексты не являются академическими антропологическими исследованиями. Тем не менее интерес, который испытывают и Беньямин, и Прокофьев к России, похож на интерес антрополога. Это отчетливо видно в том, как авторы стремятся подчеркнуть мельчайшие детали повседневной жизни Москвы и в том, что Москве отводится статус «нового» города, а СССР – «нового» социалистического государства.

Следует сформулировать последний тезис несколько иначе: оба автора имеют пресуппозицию, которая прослеживается в текстах по отношению к Москве как к городу, который *должен* быть иным. Именно эта высокая степень долженствования создает ту временную дистанцию или неравенство во времени, о котором пишет Фабиан.

Кроме того, в настоящей работе был использован ряд понятий, предложенных учеными из смежных областей культурных исследований. В первую очередь речь идет о понятии «режим историчности» французского историка и культуролога Франсуа Артога (2008). Он называет режимом историчности ту корреляционную зависимость концептов прошлого, настоящего и будущего, которую самостоятельно конструирует социум в ту или иную эпоху. Выстраивая в тексте неравенство во времени между мыслимым образом и ощущаемой реальностью, автор так или иначе определяет и свой режим историчности.

Используемое в настоящей статье понятие «прошедшее прошлое» является концептом, который предложил в своей работе профессор Гентского университета Бевер Бевернаж (2021). Исследователь считает необходимым разделять хронологическое прошлое и «прошедшее» прошлое. Общество или индивид, конструируя свою историческую субъектность, производит своеобразный отбор элементов хронологического прошлого по степени их «присутствия» в историческом настоящем. Те элементы культуры, исторические личности и события, которые «не прошли» отбор, приобретают статус «прошедшего» или неактуального прошлого.

Практической значимостью исследования следует считать оригинальное рассмотрение аллохронической функции. Традиционно в отечественной гуманитарной науке аллохронизм соотносится с парадигмой «политики времени» (Олейников, 2016) и понимается как инструмент, используемый исследователем осознанно (в известной степени). Кроме того, теоретики аллохронизма указывают на его априорный характер. Однако в результате рассмотрения двух личных дневников в рамках аллохронического дискурса удалось прийти к целому ряду продуктивных выводов. Во-первых, можно говорить о существовании аллохронической оптики вне «политики времени», так как в данной статье рассматриваются тексты культуры, имеющие интимный характер, а значит такие тексты, которые не могут являться продуктами осознанной «политики времени». Во-вторых, можно говорить об аллохронизме не только как об априорной оптике восприятия, а как о приходящей и меняющейся во времени характеристике письма.

Таким образом, в настоящей работе предлагается своего рода «освобождение» понятия аллохронизм, придание ему междисциплинарного характера, который позволяет продуктивно использовать его в исследованиях культуры.

Обсуждение и результаты:

Оба автора, как и было отмечено выше, отправляются в Россию с определенными ожиданиями.

Беньямин стремится увидеть революционный быт и новые, революционные формы искусства. Оказавшись в Москве, он регулярно ходит на различные спектакли и в дневнике не скрывает своего раздражения от увиденного. Касательно пьесы Булгакова «Дни Турбиных», Беньямин отмечает качество актерской игры: «игра без особых изъянов и достоинств», одновременно удивляясь тому, как ее могли допустить к постановке в «новом городе»: «Совершеннейшая подрывная провокация» (Беньямин, 2023, с. 36).

Куда более раздраженным автор дневника остался после посещения Московского Художественного академического театра: «Нам дали места в середине второго ряда. Запах духов охватил меня уже при входе в зал. Я не видел ни единого коммуниста в синей блузе, зато там было несколько типов, вполне подходящих для альбома Георга Гросса. Постановка была вполне в стиле замшелого придворного театра. Режиссер был лишен не только всяких профессиональных навыков, но и запаса самых примитивных сведений, без которых нечего браться за трагедию Эсхила. Похоже, его фантазия исчерпывается запыленными салонными атрибутами греческой культуры. Почти непрерывно звучала музыка, в том числе много Вагнера: “Тристан”, “Заклинание огня”» (Беньямин, 2023, с. 33).

Беньямин также высказывается в негативном ключе про советское кино, указывая на суровую цензуру и определенную «замшелость»: «Но прежде всего – русскому кино совершенно ничего не известно об эротике» (Беньямин, 2023, с. 42).

Кроме того, автор отмечает практику проявления плана монументальной пропаганды, описывая ее как архаическое поведение ранних христиан. «Теперь же при входе в эту сокровищницу висит портрет Ленина, как обращенные в христианство язычники устанавливают крест там, где раньше приносили жертвы старым богам» (Беньямин, 2023, с. 53).

Данная цитата взята из дневниковой записи, описывающей поход Беньямина в Кремль, однако само сравнение большевистской Москвы с раннехристианским миром показалось автору удачным, поэтому он повторяет его в более поздней статье: «Уже сегодня его культ простирается безгранично, далеко. Есть магазин, торгующий его изображениями как особым товаром во всех размерах, позах и материалах. Его бюст стоит в ленинских уголках, его бронзовые статуи или рельефы есть в крупных клубах, портреты в натуральную величину – в конторах, небольшие фотографии – на кухнях, в прачечных, в кладовых. Его изображение есть в вестибюле Оружейной палаты в Кремле, подобно тому как на прежде безбожном месте обращенные язычники устанавливают крест» (Беньямин, 2023, с. 129).

Видно, что автор практически не чувствует революционности в повседневной жизни и культурных практиках Москвы 1927 года. Многое из того, что он отмечает, воспринимается как формы традиционной буржуазной культуры, а иногда даже как проявление регресса.

Беньямин описывает то, как тяжело передвигаться по улицам из-за отсутствия дворников. Поездка в трамвае приобретает игровые или сюрреалистические черты, так как через замерзшие окна невозможно разглядеть остановку и локализовать себя в городском пространстве (Беньямин, 2023, с. 21).

Автор подмечает то, с каким «детским удивлением» москвичи реагируют на киносъемку. Процесс, который уже превратился в обыденность для европейского человека, шокирует москвича, наполняет его повседневную жизнь радостью контакта с элементами прогресса (Беньямин, 2023, с. 21).

Невольно автор описывает эти и многие другие черты московской жизни при помощи цивилизационной риторики: «Ничто не происходит так, как было назначено и как того ожидают, – это банальное выражение сложности жизни с такой неотвратимостью и так мощно подтверждается здесь на каждом шагу, что русский фатализм очень скоро становится понятным. Когда цивилизаторская расчетливость лишь постепенно пробивает себе дорогу в коллективе, то жизнь отдельного человека поначалу становится от этого только сложнее. В доме, где есть только свечи, жить проще, чем в доме, где есть электрическое освещение, но электростанция то и дело прекращает подачу тока» (Беньямин, 2023, с. 21).

При этом Беньямин очень бережно и с большим интересом относится к традиционной русской культуре. Экскурсия в Кремль передается автором дневника во всех мельчайших подробностях, отдельно отмечается тот факт, что на древних площадях нет памятников. Беньямин описывает это как ауру (сам термин философ введет в научный оборот позднее) подлинного города: «Хочется обратить все силы на великолепную топографию и архитектуру самого Кремля. Легко проглядеть основное условие их прелести: ни на одной из больших площадей нет памятника. В Европе же почти нет площади, чья потаенная структура не была бы в течение XIX века профанирована и нарушена памятником» (Беньямин, 2023, с. 53).

С неподдельным интересом описывается посещение Успенского собора. Примечательно то, что собор занимает философа не столько своей архитектурой, сколько самим фактом проводившихся в нем коронаций русских царей. Беньямин подмечает несоразмерность архитектуры и символического масштаба культурной практики, указывает на то, как трудно вообразить уровень напряжения, создающийся в сакральные моменты коронации (Беньямин, 2023, с. 53).

Можно сказать, что советская Москва сосуществует с автором дневника в аллохроничном режиме. Беньямину гораздо интереснее гулять по древнему Кремлю, описывая многие «кремлевские практики» как артефакты исторического прошлого. Одновременно с этим «хронологически современный» город часто раздражает его.

Автору буквально приходится «покорять» улицы, смотря только себе под ноги, а не фланировать. Кроме того, Беньямин называет Москву очень тихим городом, в котором постоянно ведется ярмарочная торговля. Крайне занимательным для настоящей работы является тот факт, что главными и самыми успешными торговцами в описанной Беньямином Москве являются старьевщики.

Философа также удивляет устройство русского дома, который существует одновременно в двух измерениях: городском и деревенском. Фасад дома, выходящий на красную линию улицы, признается немецким гостем современным, городским пространством. Задний двор же ассоциируется с деревенским, архаичным пространством: «Примитивные деревянные крылечки или пристройки придают дворовой части домов, которые с фасада выглядят очень городскими, внешность русского крестьянского дома. Так у улицы появляется еще одно, сельское измерение. – Москва вообще повсюду производит впечатление, будто это еще не сам город, а его предместье. В самом центре города можно встретить немощеную дорогу, дощатые ларьки, длинные транспортные колонны с материалами, скотину, которую гонят на бойню, убогие трактиры...» (Беньямин, 2023, с. 54).

Несмотря на то что автор не всегда явно использует те или иные темпоральные характеристики, исходя из тона повествования и изначальной пресуппозиции Беньямина его дневник можно прочесть в темпоральной или исторической парадигме.

Описанная в дневнике действительность не соотносится с авторским концептом. Характерно, что консервативные элементы московской жизни, как, например, постоянное присутствие деревни в городе, настолько впечатляют автора, что революционные элементы повседневности (агиттрамвай) он называет экзотикой. Такой же экзотикой кажется ему съезд буддистских монахов в некогда православной Москве или же похоронная процессия, облаченная в красные, а не традиционные черные цвета. «Еще более странным впечатлением этих дней была встреча с “красной” похоронной процессией. Гроб, катафалк, лошадиная упряжь были красными. Еще я видел трамвайный вагон, разрисованный политпропагандой. К сожалению, он ехал слишком быстро, так что я не мог разобрать деталей. Поразительно, как много экзотического обрушивает на тебя этот город» (Беньямин, 2023, с. 83).

Важен и тот факт, что Беньямин посещает район хавско-шаболовского жилмассива и наблюдает за новой Шуховской башней. Сама башня, как и весь район, являлась символом нового города и нового быта в Москве. Достаточно обратиться к материалам журналов «Строительство Москвы» или «Огонек» за 1927 год, чтобы реконструировать ту ауру современного, нового мира, которую приписывали этому городскому пространству москвичи: «Мы уходим от этого огненного кладбища. Мощным и лёгким видением встаёт радиовышка. Строятся заводы и фабрики. Дышит мощно земля под белым снежным покровом. Бегут трамваи. Идут экскурсии в Музей Донского монастыря. Ревут фабричные трубы... Жить, полной грудью жить!» (Маллори, 1927). Ничего подобного в дневнике Беньямина не встречается.

Разумеется, философ не обязан разделять революционно-восторженный пафос советских агитаторов. Для работы важно подчеркнуть то, что автор дневника выступает в роли своеобразного исследователя. Фокин даже формулирует особый «метод видения» Беньямина, сформировавшийся в московском тексте: «В поэтическом плане удержание этого видения связано с поиском такой манеры письма, чтобы говорил не критик, не рассказчик, не теоретик, а сами “вещи”, “другие люди”, “другой я”: речь идет о том, что Деррида именует притязательным проектом “нейтрализации любой интерпретации, любого дистанцирования, любой теоретической конструкции” <...> ему важно подставить себя под шоковое воздействие новых реальностей, важно быть атакованным, чтобы, испытав на себе удары нового, сделать мысль и письмо своего рода контратакой сущего» (Фокин, 2018, с. 7).

И как исследователь, познающий новую культуру, Беньямин совершает тот же самый акт аллохронизма, что и антропологи, описанные Фабианом. Беньямина отличает, то что антрополог использует аллохронизм осознанно, для достижения определенной дистанции между исследователем и исследуемым объектом. Беньямин создает ситуацию неравенства во времени, которое он ощущает в момент совершения записи, так как фиксация происходит не в формате академического текста, а в формате личного дневника.

Функционирование текста как дневника «запирает» описанную Беньямином Москву в состоянии прошедшего прошлого, принципиально исторически неравного тому историческому режиму, к которому Беньямин относит себя и Берлин. Нечто похожее отмечает и Сергей Фокин. Исследователь пишет о том, что недоступность «революционного» для Беньямина можно объяснить формой его существования в Москве 1927 года (Фокин, 2018, с. 32).

Из-за погодных условий, отсутствия дворников и прочих элементов «разрухи» послевоенного города, Философ не мог взаимодействовать с Москвой в том же состоянии фланера, которое было доступно ему в Берлине или Париже. И как следствие, он не наделяет Москву тем же режимом историчности, что и западноевропейские столицы.

Характерно, что аллохронизм по отношению к советскому строю можно проследить и в науках о культуре. Дэвид-Фокс (2016) изучает проблему модерности советского строя и предпринимает убедительную попытку собрать в одном исследовании европейские теории, доказывающие наличие в советской России модерности, теории, опровергающие наличие в СССР модерности, а также теории, указывающие на особую, индивидуальную советскую модерность.

Иной режим историчности конструируется в тексте Сергея Прокофьева. Прокофьев был в Москве до революции и, находясь в России, он застал гражданскую войну и становление большевистского строя. Этот опыт был травматичным для композитора. Приезжая в Москву, подобно описываемому Фабианом антропологу, Прокофьев выстраивает неравенство во времени, думая, что увидит разрушенный город и народ, отброшенный

в далекое прошлое. Дневник ведется как до поездки в Москву, так и после. Важно отметить интересную особенность дневника: Сергей Прокофьев не меняет структуру своего текста, а письмо остается в том же режиме историчности, который был создан им в эмиграции. Это можно объяснить тем, что Прокофьев приезжает в СССР лишь на гастроли, поэтому сам факт пересечения границы описывается им как будничное происшествие.

Однако, пока автор находится в Москве, в его тексте происходят интересные метаморфозы. В первую очередь необходимо отметить, что страну, в которую прибывает Прокофьев, композитор чаще всего называет «Россия». Однако иногда в тексте появляются как термин СССР, так и наименование Советская Россия. Кроме того, на протяжении всего дневника можно встретить фразы, выдающие политические пристрастия автора. К примеру, революцию он зачастую называет переворотом, а слово «большевистский» имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Накануне отъезда в Россию Прокофьев делает такую запись: «От А. Г. вернулись в отель, собрали вещи и отправились на вокзал – ехать в Большевицию. Мелькали мысли: а не плюнуть ли на всё это и не остаться ли? Неизвестно, вернётся ли оттуда или не отпустят. А тут есть целый ряд предложений концертов, и таким образом поездка в Латвию всё равно не выйдет впустую» (2002, с. 444).

Попав в Россию, автор «путает» старую и новую топонимику. Вокзал, куда прибывает поезд, называется в тексте Александровским (Прокофьев, 2002, с. 443), а не Белорусско-Балтийским. Гоголевский бульвар становится Пречистенским, Санкт-Петербург в одной записи зовется Ленинградом, а в другом месте – Петербургом: «За долгие годы странствования за границей я как-то забыл Петербург, мне стало казаться, что его красота была навязана ему патриотизмом петербуржцев и что по существу сердце России, конечно, Москва; мне стало казаться, что европейские красоты Петербурга должны меркнуть перед Западом и что напротив, евразийские красоты иных московских переулков остаются чем-то единственным. Настроенный таким образом я сейчас был совершенно ошеломлён величием Петербурга: насколько он наряднее и великодержавнее Москвы!» (Прокофьев, 2002, с. 497).

Часто Прокофьев, описывая ту или иную площадь или улицу, дает сразу два названия. Или же указывает на сложность ориентации в городе, вызванную тотальным переименованием городских пространств: «Живёт он на Марксистской улице и так как это новое название, то ни один чёрт не знал, где она находится» (Прокофьев, 2002, с. 531).

Однако, описывая Москву и Россию, Прокофьев не может сдержать своего удивления. Еще накануне приезда, как уже отмечалось выше, Прокофьев находится в сомнениях, так как не знает, что представляет из себя Москва. Из дневника можно сделать заключение, что он не ожидал увидеть ничего хорошего в столице советской России. И был сильно удивлен тем, что увидел. Приведу тут сразу несколько цитат.

Прокофьев отмечает наличие такси и автобусов в советской Москве. Кроме того, его занимает одежда и внешний вид горожан: «И мы, пересечя скверный вокзалишко, попадаем в такси, ибо в Москве теперь не очень много, но всё же есть таксомоторы. Стёкла у автомобиля густо замёрзли и потому совершенно не видно Москвы, по которой едем» (Прокофьев, 2002, с. 463); «Окончив кофе, отправились туда. На улицах довольно много народу. С одной стороны, много меховых воротников, с другой – женщины в платках. Сколько писалось о том, что приезжие из-за границы поражены бедностью одежды у толпы. Однако не скажу, чтобы меня это поразило: быть может от того, что слишком много об этом кричали, а может потому, что известный процент платков и тулупов всегда гулял по русским улицам, а следовательно, не удивлял и теперь. Навстречу ехали огромные автобусы – гордость Москвы. Они в самом деле очень красивы и огромны, и, хотя заказаны в Англии, гораздо лучше по линии, чем лондонские» (Прокофьев, 2002, с. 463). Прокофьева также удивляет постельное белье в советском Метрополе: «Ложась спать, открываем, что простыни из изумительно тонкого полотна, какого мы не видали ни в одном европейском или американском отеле. Наволочки и полотенца тоже первый сорт» (2002, с. 465).

Характерно, что Прокофьев, так же как и Беньямин, посещает Москву зимой 1927 года, и так же отмечает невероятный холод. В случае с Беньямином московский холод является одной из главных оптик, через которую происходит изучение города.

Прокофьев просто отмечает наличие холода, однако главной оптикой для данного автора становится эмигрантская пресса и те «слухи», которые он слышал от бежавших из СССР людей: «Снова вышли на улицу. Холодно, мороз. Толпа спокойная, добродушная. Это ли те звери, которые ужаснули весь мир?» (2002, с. 462); «... теперь интересно было пройти по Москве, по этому страшному городу, самостоятельно. Мы вышли на Тверскую, купили пирожных, так как ждали днём гостей, и вернулись в «Метрополь». Гулять много не пришлось, так как с непривычки было очень холодно» (2002, с. 464).

Подобно Беньямину, Прокофьев исходит из определенной пресуппозиции – образа разрушенного города, который, как и в случае с немецким философом, не совпадает с наблюдаемой реальностью. Так же можно говорить о наличии аллохронического разрыва в дневниковом письме. Композитор ожидал увидеть регресс, однако не может не отмечать целый ряд элементов современного города: чистое белье в отелях, такси, автобусы и так далее.

Некоторые черты советской действительности кажутся ему даже более современными, нежели европейские аналоги. К примеру, процесс получения загранпаспорта. Прокофьев отмечает, что в парижской префектуре необходимо постоянно давать чаевые, чтобы служащие выполняли свою работу. В советской Москве учреждение, по мнению композитора, работает без данной устаревшей практики.

Интересной и современной ему кажется и идеология советской Москвы: «Цуккер – активный и очень горячий коммунист. Всю дорогу он с увлечением объяснял благотворную работу своей партии. Выходило действительно очень интересно и в планетарных размерах. Очень интересно было увидеть огромное здание Коминтерна, нечто вроде банки с микробами, которые рассылаются отсюда по всему миру» (Прокофьев, 2002, с. 465).

Однако одновременно с этим Прокофьев остается недоволен вкусом Луначарского. Оказавшись на приеме у наркома, композитор слышит, как поэт Уткин читает стихи. Приехавший из Европы эмигрант ожидал услышать что-то новое и революционное в этой поэзии. Однако «стихи по мысли и сюжету были довольно дряблые: это был скорее декаданс в его основном смысле, чем стихи бодро восставшего пролетариата» (Прокофьев, 2002, с. 469).

В своем дневнике Прокофьев фиксирует существование двух миров: эмигрантского и советского. Фиксация эта происходит в имплицитном формате, композитор не может однозначно отказаться от той модели советской страны, которая создается в нарративах русской эмиграции.

Находясь в Москве, он все время переживает, что за ним ведется слежка, оценивает свои высказывания и дневниковые записи в парадигме контрреволюционные vs позвольительные, пытается определить степень «легальности» тех или иных идеологий в советской столице. «А вдруг к нам вообще приставлен сыщик, который едет за нами на другом извозчике? А вдруг сыщик дежурит у её ворот, зная, что это мои родственники и желая проверить, имею ли я сношения с контрреволюционными элементами? Словом, мы подъехали не к самому дому, а затем быстро шмыгнули в ворота. Впрочем, Пташкина леопардовая шуба так бросалась в глаза, что нас нетрудно было запомнить» (Прокофьев, 2002, с. 471); «Я рассказывал про Сувчинского, как он живёт, на ком женат, чем занимается и что такое Евразийство, умолкая, когда попадались встречные, ибо тема была нелегальная, да и Асафьев отметил, что письма к Сувчинскому и от Сувчинского, по-видимому, пропадают. Впрочем, переулки, которыми мы шли, были довольно пустынные и поэтому разговаривать можно было свободно» (Прокофьев, 2002, с. 468); «Словом, дело кончилось вполне благополучно. Хуже было бы, если бы она начала читать дневники. Я как раз вспомнил, что там кое-где есть выражения, которые можно считать контрреволюционными» (Прокофьев, 2002, с. 552).

Интересно отметить, что все перечисленные выше элементы советской действительности, которые со стороны следовало бы описать как негативные (слежка, цензура), фиксируются Прокофьевым без какой-либо эмоциональной оценки. При этом нельзя утверждать и тот факт, что Прокофьев никак не соотносит себя со страной пребывания. В его дневнике есть интересная запись, посвященная русскому языку: «— Ну ничего, вы, кажется, не забыли русского языка. Я форменно смутился и даже рассердился: — А почему мне, собственно, надо было его забыть? Мясковский: — Вот когда я был в Вене и встретил Сашеньку Черепнина, то он заковылял такими галлицизмами, что я его едва понял, — и в подтверждение своих слов Мясковский привёл несколько галлицизмов действительно забавных. Не скрою, что после этого я следил за своей речью и говорил запинаясь» (Прокофьев, 2002, с. 468).

Можно заметить интересную ситуацию, при которой владение русским языком является одним из ключевых факторов обретения субъектности. Известно, что многие представители русской эмиграции относились к советской орфографии и аббревиатурам с иронией и неприязнью. Достаточно вспомнить отношение Бунина к «большевистской» орфографии (Бахрах, 1979, с. 119).

В данном случае складывается обратная ситуация: не только советский человек Мясковский удивлен тем, что русский эмигрант продолжает владеть русским языком, но и Прокофьев заинтересован в том, чтобы люди, проживающие в советской Москве, признавали за ним право говорить на русском языке.

Можно отметить и то, что, оказавшись в советской стране, Прокофьев начинает более критично относиться к эмигрантскому нарративу о советской действительности: «... у меня в памяти крепко сидит напоминание о том, как тщательно следят большевики за показной стороной для иностранных гостей. Делимся впечатлениями шёпотом. В микрофоны, привинченные под кроватями, о которых рассказывают в эмиграции, мы не верили, но между нашим номером и соседним есть запертая дверь, через которую можно отлично подслушивать, если кому-нибудь это нужно» (2002, с. 465); «Любопытнее всего, что эмигрантская пресса, не упомянув ни об одной из множества хвалебных статей, посвящённых мне в СССР, перепечатала только этот выпад. Мол, Прокофьев поехал в советскую Россию — и вот вам результаты» (2002, с. 538).

Однако осмысление эмигрантского нарратива как неактуального или несовременного несколько не украшает ту советскую реальность, которую он наблюдает. «Сам Мясковский занимал одну лишь комнату, к которой примыкала другая, занятая его сестрой, Валентиной Яковлевной, с дочкой. Комната Мясковского — узкая и длинная, впрочем, довольно большая, но так заставлена мебелью, что в ней трудно повернуться. Ещё бы: кровать, умывальник, рояль, большой письменный стол, несколько шкапов и полок с нотами! Мясковский уж и так говорит, что он подвинет рояль — тогда стул перед роялем упрётся в письменный стол; то он подвинет стол — стул упрётся в рояль. Так он и двигает, в зависимости от того, что ему нужно» (Прокофьев, 2002, с. 468); «На польской границе мы пересели в международный вагон прямого сообщения на Париж, новенький как с иголочки. Можно подумать, что заграничные люди нарочно щеголяют им перед некоторой потасканностью русских вагонов» (Прокофьев, 2002, с. 553).

Сергей Прокофьев, так же как и Беньямин, сохраняет дистанцию между собой и той советской действительностью, которую он наблюдает. Описание Москвы изобилует мельчайшими подробностями быта и повседневной культуры. Сравнивая данный отрывок дневника с предыдущими и последующими, можно с уверенностью сказать, что, находясь в социалистической Москве, автор ставит себя на позицию исследователя. Таким образом, можно говорить о наличии аллохронических практик, содержащихся в дневниковом письме композитора.

Заключение

Понятие аллохронизма чаще всего используется в контексте исследований «политики времени» и применяется к академическим текстам. Аллохронизм в классическом прочтении представляет собой априорную

исследовательскую оптику неравенства во времени двух культур: культуры исследователя и изучаемой культуры. Кроме того, изучаемой культуре автоматически отводится роль «прошлого», а изучающей культуре – роль «настоящего».

В настоящей работе продемонстрировано возможное использование данного исследовательского инструментария не по отношению к академическим текстам, а к эго-документам. В рамках источников были использованы два дневника: «Московский дневник» Вальтера Бенямина и личный дневник Сергея Прокофьева за 1927 год. Оба источника имеют как инвариантную, так и вариантную часть, что позволяет нам говорить о дневниковом письме. Оба дневника имеют единый хронотоп: Москва зимой 1926–1927 годов. Тексты писались людьми, приехавшими в СССР из западной Европы. Тем не менее отличается авторский уровень владения русским языком, условия проживания в Москве, причины побудившие приехать авторов в страну советов, материальное положение и так далее.

Отличается также и образ Москвы, сконструированный авторами в Европе накануне приезда в город. Бенямин, приезжая в Москву 1927 года, стремится увидеть «будущее», но наблюдает город, «застывший в прошлом». Прокофьев, приезжая в «Большевицию», предполагает увидеть регресс или, иначе говоря, прошлое, однако город кажется ему современным, а местами более продвинутым, чем западноевропейские аналоги.

Таким образом, можно говорить о функционировании принципа аллохронизма, имплицитно выраженного в дневниковом письме. В первую очередь, можно выделить подвижность неравенства во времени: реальность, рефлекслируемая при помощи дневника, не совпала с тем темпоральным образом, который был сконструирован авторами. Кроме того, несмотря на то, что пересекающий границу автор дневника становится в чем-то подобен ученому, неравенство во времени, заключенное в тексте культуры, совершенно не обязательно отводит позицию «будущего» культуре автора дневника. Иными словами, мы видим неравенство во времени, выраженное как черта дневникового письма, однако темпоральное соотношение культур не является предзаданным, и, как следствие, может рассматриваться не только лишь в рамках дискурса «политики времени».

В перспективе исследование может быть расширено и углублено за счет сущностного анализа иных культурологических источников, определения наличия или отсутствия аллохронических практик как неотъемлемой части структуры данных текстов.

Дневники пересекающих государственную границу авторов наглядно демонстрируют аллохронические практики как черту дневникового письма. Привлечение в качестве источников дневниковых материалов, существующих в рамках единой культуры, позволит говорить об аллохроническом дискурсе как о перманентной составляющей дневникового письма или же как о преходящей характеристике, вызванной теми или иными внешними факторами.

Материалы исследования | Research materials

1. Бенямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
2. Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50.
3. Прокофьев С. С. Дневник 1907–1933: в 3 т. Париж: sprkfv, 2002. Т. 2: Дневник 1919–1933.

Источники | References

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).
2. Бахрах А. В. Бунин в халате: По памяти, по записям. Нью Джерси: Товарищество зарубежных писателей, 1979.
3. Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: Некоторые размышления о политике историзации и кризисе исторического прошлого // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. № 4 (143).
4. Бевернаж Б. Аллохронизм, равенство во времени и современность: Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. № 2.
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
6. Дэвид-Фокс М. Ш. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140).
7. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2011.
8. Заиченко О. В. “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников) // Диалог со временем. 2010. № 32.
9. Олейников А. А. Политика времени // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2.
10. Саид Э. В. Ориентализм. СПб.: Русский Мир, 2006.
11. Фокин С. Л. «Московский дневник»: о методе рассуждения, любви, безумии, революции // Логос. 2018. Т. 28. № 1 (122).
12. Fabian J. Time and the other. N. Y.: Columbia University Press, 1983.
13. Introduction to Border Studies / ed. by S. V. Sevostyanov, J. P. Laine, A. A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2015.

Информация об авторах | Author information**RU****Савушкин Иван Сергеевич¹**¹ Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва**EN****Ivan Sergeevich Savushkin¹**¹ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow¹ vanya.savushkin.99@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 05.08.2026; опубликовано online (published online): 10.09.2026.

Ключевые слова (keywords): личный дневник; «Московский дневник»; Вальтер Беньямин; Сергей Прокофьев; Йоханнес Фабиан; personal diary; "Moscow Diary"; Walter Benjamin; Sergei Prokofiev; Johannes Fabian.